

Все это позволяет объяснить реальное функционирование современной экономики и, соответственно, проливает свет на связанные с ней процессы (политические, идеологические и т. п.), происходящие в современном обществе. Так, автором данной статьи было проведено исследование, основанное на историческом материале, по определению институциональной матрицы Беларуси. Оно позволило сделать вывод о том, что действительно, на всем протяжении своей истории ее территория подвергалась влиянию то западной, то восточной институциональной структуры. Однако постоянный поиск наиболее целесообразных форм хозяйствования в разных частях Беларуси приводил к тому, что институциональное устройство рыночного типа лучше всего «приживалось» на восточных территориях, а нерыночного – на западных [4].

Процесс познания общества через призму его институционального развития (что является в свою очередь применением системного подхода к его познанию) позволяет объяснить многие явления общественной жизни и дать практические рекомендации по их преобразованию, если это необходимо. Данный подход незаменим при проведении реформ, будь то преобразование форм собственности или реформирование систем образования, здравоохранения и т. д. Он позволяет и дать ориентир в их направленности, и определить возможный исход.

Путь институциональных изменений представляет собой процесс самоидентификации общества с учетом опыта прошлого, как позитивного, так и негативного, в новых изменяющихся условиях. Этот процесс может происходить стохастически, вслепую, методом проб и ошибок, но может опираться на научные, продвинутые формы рефлексии общественного развития.

Литература:

1. Бессонова, О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России / Бессонова О. Э. – Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1999.
2. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
3. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986.
4. См. напр.: Экономическая история Беларуси: учеб. пособие / под ред. проф. В. И. Голубовича. – Минск.: Экоперспектива, 2005.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

А.М. Бобр, г. Минск, Беларусь

В современной публицистической и даже научной лексике широко используются термины «бархатной», «цветной» и «сетевой» революции, что порождает необходимость уточнения данного понятия. При этом отметим, что поставленная проблема имеет не столько логико-эпистемологический, сколько социально-философский характер.

В этой связи обратим внимание на способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу некоторых современных концепций социальной революции.

Это, во-первых, процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX века Т. Мальтуса, который сформулировал закон убывающего плодородия почвы, из которого следовало, что именно нехватка жизненных благ способна приводить к острым социальным конфликтам. Об актуальности фактора демографического роста свидетельствуют и некоторые современные футурологические прогнозы. В частности, быстрое истощение природных ресурсов – нефти, газа, угля, сокращение числа разведанных источников углеводородов и, следовательно, их острый дефицит, а также полное исчерпание уже в текущем столетии десяти самых важных металлов, прогнозируемые руководителем группы системного анализа университета Лунда в Швеции Х.Свердрупом [1], не могут не сказаться на стабильности общественного развития.

Это, во-вторых, нарушения в воспроизводстве элиты. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В.Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обусловливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться революция.

Авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты в Новое и Новейшее время, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. Так П. Турчин, изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус и которые, поэтому, стремятся к насильственному переустройству общества. Именно дефицит ресурсов для обеспечения запросов сформировавшейся в арабских странах и стремящейся к власти контэлиты во многом способствовал инициации ею военных переворотов весной 2011 года.

Это, в-третьих, превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, именно движение широких масс народа порождает экономическую и политическую нестабильность и ведет к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер.

Это, в-четвертых, вызванные экстремальными ситуациями мутации в культуре. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции в России 1917 года, Н.А.Бердяев упоминает диктатуру миросозерцания. Роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни» [2, с. 101].

Это, в-пятых, кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающий все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели ее осуществления и, в частности, «тупиковая». Она связана с игнорированием причин локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме революции.

Это, в-шестых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает как в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [3, с.7].

На основании сказанного К.Марксом может сложиться впечатление, что для него характерна фаталистическая интерпретация революции. Это не так, поскольку он подчеркивал, что в обществе объективные закономерности всегда проявляют себя через деятельность людей, осознающих свои интересы и ставящих определенные цели.

Применительно к современной истории это означает необходимость видеть за социальными потрясениями интересы реальных субъектов исторического процесса. Не менее важно умение отличать объективно существующие возможности от возможностей формальных, продиктованных складывающейся исторической конъюнктурой, не обольщаясь первыми достигнутыми результатами. В этой связи отметим, что если все названные ранее процессы являются необходимыми, но все же недостаточными для осуществления революции условиями – они достаточны для бунта, восстания, государственного переворота, – то у К.Маркса эта ограниченность преодолевается.

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции, касается необходимости более строго различения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции предполагает радикальные, затрагивающие основания социального бытия изменения. Это преобразования не только в политическом строе, но и в системе хозяйства, в культуре, – иными словами, во всех основных сферах общественной жизни.

Этот же характер носили преобразования, инициированные политикой перестройки, а затем и распадом СССР. Они привели к уничтожению единого народнохозяйственного комплекса страны и радикальному изменению форм собственности (в России, в частности, способствовали появлению олигархического капитала), радикальным пертурбациям в системе государственного управления, политике, образе жизни, межнациональных отношениях, системе ценностных приоритетов, даже в менталитете общества. Эти изменения носили фронтальный и кардинальный характер, что позволяет говорить о произошедшей социальной революции.

С другой стороны, процессы, которые зачастую именуют социальными революциями, таковыми, по сути, не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 года. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не во многом инспирированные государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе. А они далеко не очевидны ни в Украине, ни в Грузии, ни в Киргизии, ни, тем более, в арабском мире. Так, имевшая большой

общественный резонанс «оранжевая революция» в Украине являлась революцией не по существу, а только по имеющему метафорический смысл названию – она не привела не только к каким-либо значимым социально-экономическим изменениям, но существенно не отразилась даже на модернизации политического строя республики. В этой связи показательно, что следующий политический режим – режим правления политических противников «оранжистов», каких-либо «контрреволюционных» мер не предпринимал. Реставрация прежнего, нарушенного «революционерами» политического порядка не потребовалась, поскольку он, по сути, не нарушался.

В заключение отметим, что статус революций в обществе амбивалентен: с одной стороны они являются мощным фактором обновления, выступая, по словам К.Маркса в роли «локомотивов истории», с другой – революции для рядового человека всегда означают серьезные испытания и лишения. Предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять преобразование общества.

Литература

1. Костина, Г. Внукам точно не хватит / Г. Костина // Эксперт. – №3 (786) – 23.01.2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/3/>. – Дата доступа: 10.09.2013.
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М., 1990.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 13. – М., 1959.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК КЛАССИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

М.И. Бойченко, г. Киев, Украина

Понятие академической философии связано с особым статусом философского знания и особым подходом к ее преподаванию. Несколько иное значение она приобретает как ценность, поскольку более значимыми становятся социальные аспекты функционирования философии – как в научном сообществе, так и в обществе в целом. Часто именно осмысление академичных притязаний философии проясняет академические рамки научной и преподавательской деятельности и академическую свободу ученого и преподавателя университета не только как особого типа социальных отношений (имеющих значимость и за пределами сферы науки и образования), но и как определенной культурной ценности. Определенная преемственность в рассмотрении этих вопросов в традиции европейской философии (а возможно, в некотором смысле – и всей